

Лука (А.Лутиков)

Он сыграл немало партий с Фишером и имеет с ним положительный счет. Партии эти, правда, игрались блиц, и Бобби было только пятнадцать лет.

Время действия — лето 1958 года. Место — Москва, Центральный шахматный клуб. Фишер только что выиграл чемпионат Соединенных Штатов и вот сейчас вместе с сестрой Джоан приехал в столицу мировых шахмат. Сестра с утра отправляется в музей, но музей мало интересуют Бобби: он днями напролет играет в шахматы. Он приходил в клуб на Гоголевском бульваре, когда там еще никого, кроме вахтера, не было. Постепенно собирались сотрудники: методисты, тренеры, сам директор - все мастерской силы. Бобби громил их нещадно. Досталось и подвернувшемуся под руку Владимиру Ала-торцеву. Стали обзванивать более титулованных. Флор вспоминал, что телефонный звонок поднял его с постели: «Вставайте, Саломон Михайлович, Родина зовет!» Наконец вызвали на подмогу тяжелую артиллерию: молодых, наигранных мастеров, к тому же специалистов по блицу - Евгения Васюкова и Анатолия Лутикова.

Тогда-то и состоялся этот памятный для Лутикова матч. Он вспоминал позднее, что они сыграли около тридцати партий, из которых он выиграл примерно две трети. Фишер с детской непосредственностью переживал неудачу, а когда в одной из партий соперник в пылу борьбы сдался в выигранной позиции, Бобби не мог скрыть радости.

Вскоре на межзональном турнире в Портороже Фишер вышел в число победителей и завоевал право играть в турнире претендентов. Он стал тогда самым молодым гроссмейстером в мире. Его сопернику по московскому блицматчу пришлось ждать этого звания долгих пятнадцать лет.

В шахматы Лутикова привел случай. Ленинград, 1946 год. Лекция во Дворце культуры. Тема ее «Новый чудодейственный препарат — пенициллин». Но до лекции еще есть время, и мальчик с рабочей окраины вместе с приятелем заходит в шахматную комнату. Мальчику неполных тринадцать лет. Сосредоточенные лица людей, передвигающих деревянные фигурки по клетчатой доске. Для Толи всё в диковинку: играть он не умеет. Друг берется быстро обучить его. О лекции они вспомнили, когда шахматная комната уже закрывалась...

Его первым учебником стал «Самоучитель шахматной игры» Шифферса. О дебютах в этой книге говорилось мало. Так, об ответе

1...сб на первый ход королевской пешкой сообщалось кратко: неправильное начало. Зато подборка партий была хороша: их было несколько сот, и все они представляли острые, комбинационные схватки. Эта книга, несомненно, повлияла на Лутикова и определила его творческое лицо.

Шахматную науку Толя начал было постигать во Дворце пионеров. Но независимым характером, бесшабашностью, всей манерой поведения он как-то не вписывался в академическую обстановку турниров по вторникам и четвергам и теоретических занятий по пятницам, и в итоге его единственным тренером стала сама игра. Играл он когда угодно и где угодно. В Чигоринском клубе, в Домах культуры, летом в садах и парках и, конечно, на Островах. Турнирные и тренировочные партии, их разбор, анализ дебютных вариантов, игра

вслепую, игра по два хода, по три и, разумеется, блиц.

Блиц! Классические пятиминутки, блиц навывлет, двое на двое, трехминутки, а то и по минуте на партию — формула боя была самой разнообразной. И всё - со звоном и смехом. Со словечками и прибаутками, в которых шахматные термины были так переплетены с городским фольклором, что человек, незнакомый с этим миром, просто не понял бы, о чем идет речь. Толя следит за партиями сильнейших ленинградских шахматистов того времени, ловит каждое их выражение, слово, шутку. Влюбленными глазами смотрит на Толуша, когда тот, открывая коробку «Казбека», закуривает очередную папиросу и, нанося тактический укол, наклоняется к сопернику, участливо спрашивая: «Не беспокоит?» Или, не смущаясь потерей пешки, приговаривает загадочное: «Фартовые не смотрят на бимбра-сы» — и объявляет своему партнеру, оказавшемуся в итоге в проигранном положении: «Аминь пирожкам!» Или просто подбадривает себя своим же фирменным: «Вперед, Казимирыч!» Многие выражения, употреблявшиеся уже взрослым Анатолием Степановичем, пришли из того далекого ленинградского детства.

В 1949 году Толя Лутиков в составе юношеской сборной Ленинграда становится чемпионом страны. Какая это была команда! Возглавлял ее Корчной, а в составе были двенадцатилетний первозраз-рядник Боря Спасский и ставшие позже мастерами Володя Лявданский и Саша Геллер. Тренерами были Владимир Зак и кумир Лутикова — Александр Толуш.

Долгие ленинградские вечера нередко делили с Лутиковым молодые кандидаты в мастера Витя Корчной, Коля Крогиус, Боря Владимиров. И курилось во все легкие, и шуткам не было конца, и бездонное время утекало с обоих циферблатов шахматных часов, и вечер незаметно переходил в ночь, и всё было еще впереди.

Эти вечера, эти шахматные бдения, наконец, сама турнирная игра и явились шахматными университетами Анатолия Лутикова. Теорию дебютов он изучал главным образом во время турниров. У него не было тетрадок с секретными анализами варианта дракона или тонкостями атаки пешечного меньшинства в ферзевом гамбите. Зато он бережно хранил одну — с аккуратно переписанными партиями Алехина.

В 1950 году в чемпионате Ленинграда наряду с известными мастерами Таймановым, Фурманом, Кламаном, Копыловым, Жуховицким приняли участие и двое молодых: Корчной и только что ставший кандидатом Лутиков. Прическа ежик, выдавший виды старенький пиджачок, штопаная рубашка с выпущенным воротником — так выглядел тогда рабочий одного из ленинградских заводов Толя Лутиков. Он занял последнее место, но несколько партий провел в «блестящем атакующем стиле с жертвами». Слова эти станут ярлыком, фирменным знаком Лутикова на протяжении всей его шахматной карьеры.

Двадцать лет спустя Лутиков выступал в составе команды гроссмейстеров на турнире в Сочи. Им противостояли подающие надежды мастера.

Позиция молодого Бори Гулько была примерно равной, когда он в поисках шансов на выигрыш спровоцировал соперника на жертву фигуры, на поверку оказавшуюся очень опасной. «Лутикова не надо соблазнять жертвой материала, он сам вам всё пожертвует», - заметил Корчной, наблюдавший за ходом борьбы.

Сам Анатолий Лутиков так охарактеризовал свой стиль: «По натуре я тактик. Раскрепощенные, открытые шахматы, дарящие радость зрителям, нравятся мне всю жизнь. В юности я подолгу

следил за игрой Толуша. Это было зрелище! Я считаю его одним из моих учителей. Шахматы должны, просто обязаны быть зрелищными. И они могут быть такими, если не высушивать их излишним практицизмом... Я считаю турнир удачным, вне зависимости от спортивного итога, если мне удалось дать несколько комбинационных партий».

Он становится мастером, выигрывает чемпионаты России, играет в первенствах Советского Союза. Лутиков – сильный шахматист со своим видением игры, прекрасно чувствующий инициативу, но и с недостатками, которые он так и не смог изжить до конца: недостаточное владение техникой позиционной игры на высоком уровне, технические погрешности в эндшпиле и слабо отработанный дебютный репертуар за черных. Как это часто бывает у шахматистов тактического плана, его результаты белыми были намного выше: борьба за академическое уравнение была ему не по душе, а игра на перехват уже в дебюте может иметь для черных тяжелые последствия. И еще. Он не привык работать самостоятельно, ему нужен был визави, напарник, которому в момент дискуссии об оценке позиции можно было сказать коротко: «Ходи!»

Нельзя сказать, впрочем, что Лутиков совсем не занимался шахматами. Его дебютный репертуар стал более уравновешенным. Он прекратил играть королевский гамбит — любимое оружие молодости, но его всегда тянуло к тактике, по возможности уже в дебюте. Нередко в ответ на 1.e4 он выводил ферзевого коня, он же в конце 60-х ввел в турнирную практику экзотический вариант 1.d4 Кf6 2.c4 Кс6 — настоящее кавалерийское шоу! Но и в солидной испанской партии его тянуло на боковые варианты: так, в улучшенной защите Стейница он применял рискованную систему, где уже на пятом ходу начинается подрыв королевской пешки белых.

В начале 1978 года в Минске он сомнительно разыграл дебют против четырнадцатилетнего мальчика из Баку - будущего победителя турнира. Хотя Лутиков долго сопротивлялся, избежать поражения ему не удалось. Эта памятная для Каспарова партия была первой, которую он выиграл у гроссмейстера один на один.

Кое-кто полагает, что если бы Лутиков прилежно занимался шахматами, изучал классику, играл солидные построения, его талант заблестел бы еще ярче и он достиг бы много большего. Не уверен. Он относился к тому типу игроков (как правило, тактиков), которые играют каким-то внутренним, животным инстинктом. После на одном дыхании проведенной атаки им непросто объяснить, почему они сыграли так, а не иначе: рука сама потянулась к нужной фигуре. Попытки изменения сложившейся в молодости манеры игры, изменения стиля за счет приобретенных знаний могут иметь только негативные последствия: ухудшится то уникальное, что было дано от природы, а приобретется то, что умеют многие. Симптоматично, что и хронометраж, вошедший в моду в 70-х годах, не пошел у Лутикова: запись времени, потраченного на обдумывание, только отвлекала его от игры.

Дебют на международном уровне принес Лутикову одни огорчения. Правда, турнир ЦШК 1959 года получился очень сильный. Первое место в нем поделили Бронштейн, Смыслов и Спасский. Но и имена остальных участников впечатляли: Олафссон, Филип, Портиш, Ларсен, Симагин, Аронин, Васюков... Лутиков все партии провел в своей обычной лихой манере и, так же как в своем первом чемпионате Ленинграда, занял последнее место. Это случится с ним еще не раз: за игру по принципу «пан или пропал» приходилось расплачиваться. Доморощенный поэт писал тогда в турнирном бюллетене:

Увял во цвете Лутиков,

Пророчить погоди.

То лишь цветочки-лютики,

Жди ягод впереди.

Лутиков не впал в отчаяние и не изменил своему стилю. В том же году он выигрывает чемпионат России, а в следующем - турнир в Бад-Зальдунгене. Но звание международного мастера ему пришлось ждать целых семь лет.

На турнире в Бевервейке 1967 года играли по традиции многие ведущие шахматисты мира: Ларсен, Сабо, Доннер, Глигорич, Дарга, Кавалек... Выиграл тот турнир Спасский, а Лутиков занял второе место, отстав только на пол-очка и не проиграв ни одной партии. Это был его звездный час! По свидетельству Спасского, Лутиков играл тогда собранно и с полной ответственностью, как никогда в жизни. Хотя его результат и был гроссмейстерским, на следующий год в Амстердаме Лутиков играет только в мастерской фуппе ИБМ-турнира: слишком много шахматистов экстракласса было тогда в Советском Союзе, слишком многие претендовали на место в гроссмейстерском турнире.

Во время турниров в Голландии Лутикова нередко можно было видеть с мастером Диком ван Гейтом, шахматистом оригинального стиля, пропагандировавшим начало, которое и получило название «дебют ван Гейта» - 1.Кс3. Необычные позиции, которые они анализировали, были, очевидно, по душе обоим, и хотя немецкий Лутикова ограничивался в основном терминами «bessen» и «nicht gut», они прекрасно понимали друг друга.

Международным гроссмейстером Лутиков стал только в сорок лет, поделив с Гортом первое место на турнире в Лейпциге (1973), но за четыре года до этого он занял третье место в чемпионате Советского Союза в Ата-Ате, опередив многих известных гроссмейстеров, за что получил звание национального гроссмейстера — достижение, удававшееся очень немногим.

Его линия в шахматах была в чем-то продолжением линии Чигорина с его знаменитым: «Господин Тарраш предпочитает защиту, мы же, по свойственной нам слабости, стремимся к атаке». И, как и Чигорин, он испытывал трудности после 1.d4. С его любовью к блицу, к упору на игровой момент и пренебрежением к спортивному режиму он никак не вписывался в ботвинниковские шахматы, на гербе которых было выгравировано: успех ожидает того, кто к нему хорошо подготовился. Он был самоучка, самородок, и его линия в многогранных советских шахматах была линией игроков разной силы и степени таланта: Шамаева, Шишкина, Антошина, Холмова, Чаплинского, Выжманавина, Арбакова...

Турниры, турниры, турниры. Сборы и снова турниры. Чемпионаты городов и армейские соревнования, командные первенства и первенства спортивных обществ, Спартакиады и чемпионаты России, иногда — если пошлют - международные турниры и, конечно, полуфиналы и финалы чемпионатов СССР — сильнейшие в то время турниры в мире. Турниры, длящиеся неделю, две, три, иногда и месяц. Жизнь на колесах.

Города, города, города. Потребовался бы очень подробный атлас Советского Союза, чтобы отметить все те места, где играл Анатолий Лутиков.

Гостиницы, гостиницы, гостиницы. Номера на шестерых, на четверых, реже на двоих. Дежурные по этажу. Молодые и не очень. Талоны на питание. Официантки, меняющие их на деньги и не делающие этого. Сохранение заработной платы. Отчитаться в спорткомитете.

Обеспечение жилплощадью. Суточные. Поллитровка. Плюс три. Характеристика. Соцстрана. «Ну, дрогнули». Плавленый сырок. Литерный билет. Почасовая оплата. Зубровка. Инструктор по спорту. Капстрана. Сертификат. Путевка на сеанс. Методист. Закусить мануфактурой.

Понятия эти, несущие в себе непреодолимые трудности для переводчика на любой язык, были знакомы Лутикову с юношеского возраста. Деньги, порой легко достающиеся, но так же легко и быстро утекающие.

Плотно сбитый, ширококостный, простое крестьянское есенинское лицо, волосы, зачесанные назад, — так выглядел Лутиков в те годы. И бабочка, нередко надеваемая им во время турниров, только контрастировала со всем его видом.

У него было прозвище — Лука. Он был обязан ему не столько созвучием с фамилией, сколько часто поминаемым им героем бар-ковской поэмы, которую часто и с удовольствием цитировал.

Коллеги, друзья, собутыльники. Долгие застолья. И веселье, и выяснения отношений, и разговоры, содержание которых невозможно вспомнить мутным утром следующего дня. Он обладал редким здоровьем и в молодые годы спокойно мог принять за вечер литр водки, а то и больше. В таком состоянии он набрякал, фуззел, и вечер мог кончиться когда угодно и где угодно.

Выписка из милицейского протокола: «Гражданин Лутиков А.С. в состоянии крайнего алкогольного опьянения ташил на спине другого гражданина, впоследствии оказавшегося Талем М.Н.»

Однажды на банкете он обратился к присутствующим с речью, начав так: «Леди и гамильтоны...» А на чемпионате страны 1969 года в Москве подрался с Леонидом Штейном. Оба были крепко на взводе, когда по звонку дежурной по этажу прибыла милиция. Особенно буйствовал Штейн, наступавший на стража порядка и даже порвавший на нем рубашку. «Как вы его вяжете? Да вы же вязать не умеете, кто же так вяжет?» — деловито давал советы Лутиков, наблюдая за процессом со стороны.

Не обошлось без вмешательства милиции и на полуфинале чемпионата СССР в Свердловске. Дежурная по этажу, увидев ночью в коридоре близоруко озирающегося совершенно голого человека, пытающегося найти дверь в свой номер, откуда его выставили приятели, расписывающие очередную пульку, решила, что это привидение, и перепугалась насмерть. Прибывшим через какое-то время милиционерам открылась, однако, идиллическая картина: Лутиков, в костюме и при галстукке, сидел за шахматной доской, погруженный в глубокие раздумья...

В другой раз, в Новосибирске, шутнику, отпускавшему язвительные замечания, пришлось убедиться, что «интеллигент в очках» обладает к тому же немалой физической силой.

Истории эти, и без того впечатляющие, обрастали всевозможными подробностями, делаясь шахматным фольклором и создавая красочный образ Анатолия Лутикова. Впрочем, сам он утверждал, что всё держит под контролем: «Я всегда знаю, сколько принял накануне вечером, — утверждал Лутиков. — Как-то в молодые годы, вставая утром с кровати, я наступил на очки. С тех пор, перед тем как идти спать, я всегда кладу очки под кровать, и чем больше я выпиваю, тем дальше под кроватью оказываются очки...»

И многое прощалось, и на многое закрывались глаза, потому что знали, что вечером тот же

самый человек вдохнет жизнь в деревянные фигурки так, как умеет только он.

Хотя Лутиков несколько раз бывал за границей, мир за пределами своей страны оставался для него чужим, заморской сказкой, и по взглядам на жизнь он был вполне советским человеком. Спасский вспоминает, как в 67-м году в Москве Лутиков был у него в гостях: «После двух-трех стаканчиков я рассказал пару анекдотов о Василии Ивановиче, входивших тогда в моду. Вдруг Толя напрягся: «Я попросил бы в моем присутствии о героях гражданской войны подобных историй не рассказывать».

Последний период его жизни был нелегким. К старости недостатки, камуфлированные в молодости оптимизмом, напором, становятся еще более рельефными. В его случае это происходило на фоне тяжелой, изнуряющей болезни: содержание сахара в крови превышало все допустимые нормы. Пить он уже не мог: плыл после первой рюмки. Не мог и концентрироваться за доской, и рука, раньше сама выбиравшая нужные поля для фигур, теперь посылала их в скороспелые гусарские наскоки, легко отражаемые соперниками. Его атаки стали больше походить на авантюры, жертвами которых становился он сам.

После поражений Анатолий Степнович не привык отсиживаться, пережидать, зализывать раны. «Я понимаю, что после проигрыша надо играть сдержанно. Но все мои благие пожелания тут же исчезают, когда я сажусь за доску и невольно вспоминаю вчерашнюю неудачу», - признавал он сам. Роль дебюта с годами возросла еще больше, а эта стадия партии не была его сильной стороной, даже в лучшие времена. И всё чаще в его словах звучала обида за несложившуюся жизнь.

Вдобавок у Лутикова просто не было средств для существования — участь, ожидающая многих профессиональных шахматистов, не входящих в элиту, независимо от страны проживания: общество не рассматривает шахматы как профессию, и все последствия за выбор их в качестве таковой несет сам человек. Государственной стипендии Лутиков не получал никогда. В его трудовой книжке значилось немало профессий: методист, инструктор по спорту, тренер, но фактически всю жизнь он был шахматным профессионалом. Это было единственное, что он умел делать, — играть в шахматы. Парадокс в том, что, будучи профессионалом, он по отношению к игре оставался чистым любителем, особенно если рассматривать профессионализм в спорте через определение, данное мэтром советского футбола Андреем Старостиным: любитель заработанные деньги пропивает, а профессионал кладет на книжку.

Он всегда рассматривал себя только как турнирного игрока. Уже перевалив через свой пик, он продолжал надеяться: «Жизнь шахматиста не кончается одним турниром, каким бы интересным он ни был. Все время приходится думать о новых соревнованиях, готовиться к новым боям. Шахматы дают нам спортивное долголетие, и я надеюсь еще не раз сыграть в больших турнирах гроссмейстерского класса».

В поисках лучшей доли он намотал тысячи километров дорог огромной когда-то страны. Ленинград, Челябинск, Новосибирск, Тирасполь, Ярославль, Анапа, снова Тирасполь. Вот точки, где делал остановки в своей кочевой жизни Анатолий Лутиков. Ему казалось, что на новом месте всё устроится, наладится, образуется. Турниры, в которых он принимал участие, становились всё слабее и слабее, равно как и его результаты в них...

В голодном послевоенном Ленинграде пятнадцатилетний мальчик мечтал: дайте мне сковороду жареной картошки, и я выиграю у кого угодно! Ему не было суждено подняться на самые вершины шахмат, но те, кому удалось это сделать, очень хорошо знали, что он, Анатолий

Лутиков, может выиграть у кого угодно. Он стал гроссмейстером, но в первую очередь — гроссмейстером атаки. Он разносил в щепки, и не раз, позиции Таля и Корчного, он выигрывал у Кереса, Бронштейна, Геллера, Полугаевского, Тайманова, Авербаха, Нежметдинова...

Анатолий Степанович Лутиков: Ленинград 1933 — Тирасполь 1989.

Март 2002